

Предпосылки и факторы адаптации государственных программ субъекта федерации

The adaptation prerequisites and factors of the federationsubject's state programs

УДК 353.2

Д. Ю. Ноженко,
Министерство экономики
Свердловской области
(Екатеринбург, Россия)

Актуальность исследования обусловлена характером современного этапа развития программно-целевого подхода в практике государственного управления. Автором раскрыта сущность адаптации нового инструмента стратегического планирования — государственных программ. По мнению автора, при внедрении новых инструментов государственного управления должны учитываться три вида предпосылок: макроэкономические, институциональные и региональные. К институциональным предпосылкам адаптации государственных программ субъектов Российской Федерации отнесены проведение административной и бюджетной реформ, а также трансформация системы стратегического планирования. Дана характеристика современных этапов развития программно-целевого подхода в контексте процессов административного и бюджетного реформирования. В рамках каждой группы предпосылок выделены соответствующие факторы адаптации государственных программ субъектов Федерации. Так, на адаптацию к изменяющимся макроэкономическим условиям наибольшее воздействие оказывают: курс национальной валюты; экономические санкции; переход на политику импортозамещения; миграционные процессы; отток капитала. Факторы адаптации, связанные со специфическими условиями развития конкретного региона, подразделены на геополитические, институциональные, экономические, социальные, национально-культурные, природно-климатические. Учет предпосылок и факторов позволяет повысить эффективность внедрения нового инструмента государственного управления в условиях российских регионов.

Ключевые слова: программно-целевой подход, новое государственное управление, административная и бюджетная реформа, стратегическое планирование, регионы России.

D. Yu. Nozenko,
The Ministry of economy
of Sverdlovsk region
(Ekaterinburg, Russia)

The relevance of the study is caused by the modern stage nature of program approach development in the public administration practice. The author reveals the adaptation essence of a new tool for strategic planning — state programs. According to the author, the introduction of new governance tools should take into account three kinds of preconditions: macroeconomic, institutional and regional. The implementation of administrative and budget reforms, and the strategic planning system transformation are the institutional prerequisites of Russian Federation regions government programs adaptation. The present stages of program approach development is characterized in the context of administrative and budgetary reform processes. The relevant factors of adaptation Federation subjects' state programs are allocated within each group of selected prerequisites. So, the national currency, economic sanctions, the transition to the import substitution policy, migration processes and the outflow of capital have the greatest impact on the adaption to the changing macroeconomic conditions. Adaptation factors associated with specific conditions of a particular region development, are divided into groups such as: geopolitical, institutional, economic, social, national-cultural, climatic. Prerequisites and factors accounting allows to increase the effectiveness of the new state instrument implementation in the Russian regions.

Keywords: program approach, new public management, administrative and budgetary reform, strategic planning, Russian regions.

Актуальность исследования

Различного вида программы прочно закрепились в современной практике государственного менеджмента большинства стран. При этом в последнее десятилетие наблюдается расширение сфер применения программно-целевого подхода.

Комплексный анализ российского опыта позволил выделить три особенности современ-

ного этапа реализации программно-целевого подхода в стратегическом планировании [3]: во-первых, усиление взаимосвязи бюджетного и стратегического планирования; во-вторых, завершение законодательного оформления системы стратегического планирования, что связано с принятием соответствующего федерального закона; в-третьих, пополнение стратегического планирования и управления новыми инструментами, одним из которых выступают государственные программы субъекта Федерации. Именно государственная программа призвана обеспечить переход на программно-целевые принципы построения бюджета, а в конечном счете — системно подойти к достижению стратегических целей и задач государственной социально-экономической политики, а также повысить эффективность стратегического планирования в регионах и территориях [4; 7].

Но одновременно с появлением новых инструментов возникает необходимость их успешной адаптации. При этом под адаптацией государственных программ субъекта Федерации нами понимается процесс встраивания нового инструмента в систему стратегического планирования, обусловленный институциональными предпосылками, макроэкономическими факторами и особенностями субъекта и направленный на достижение приоритетных целей и задач регионального развития и обеспечение результативности использования вовлеченных ресурсов.

По нашему мнению, при внедрении новых инструментов государственного управления должны учитываться три вида условий, а именно макроэкономические, институциональные и региональные.

В рамках данной статьи основное внимание будет уделено раскрытию институциональных предпосылок адаптации государственных программ субъекта Федерации, поскольку они, с нашей точки зрения, оказывают первоочередное и наибольшее влияние на этот процесс.

Предпосылки адаптации государственных программ

К институциональным предпосылкам адаптации государственных программ субъектов Российской Федерации нами отнесены проведение административной и бюджетной ре-

форм, а также трансформация системы стратегического планирования. Следует заметить, что административные и бюджетные реформы являются характерной чертой современного этапа развития большинства стран. Их проведение обусловлено сменой парадигмы государственного управления, другими словами, переходом с государственного администрирования на концепцию *New Public Management*, в соответствии с которой «в общественный сектор переносятся методы управления, выработанные корпорациями» [8].

При этом экспертами справедливо отмечается, что специфика социокультурного контекста развивающихся стран ограничивает возможности применения управленческих механизмов, разработанных в развитых странах, поскольку в силу особенностей институционального и экономического развития реализация некоторых принципов *New Public Management* может иметь противоположный ожидаемому эффект [5].

Тем не менее изменения политического курса в 2000-е годы с акцентом на роли государства в социально-экономическом развитии дали импульс институциональным преобразованиям. Проводимая же с 2003 г. административная реформа в Российской Федерации в числе базовых приоритетов предполагала развитие именно практик *New Public Management* в общественном секторе. Начало процессу реформ было положено Указом Президента России «О мерах по проведению административной реформы в 2003—2004 годы».

Как считает Е. И. Добролюбова, «если следовать стратегическим документам, непосредственно регулирующим деятельность по реформированию, совершенствованию и развитию государственного управления, и прежде всего в рамках административной реформы, то можно сказать, что к 2013 г. задача внедрения принципов и инструментов управления по результатам в деятельность органов государственной власти в основном решена» [1].

В целом с 2003 по 2013 гг. были апробированы и внедрены многочисленные подходы и инструменты в рамках как бюджетной, так и административной реформы, опирающиеся на концепцию *NewPublicManagement*, включая БОР, ДРОНДы, оценку эффективности деятельности исполнительных органов власти, оценку регулирующего воздействия, которая

с 2014—2015 гг. стала обязательна для регионов и муниципальных образований [2], а также для международных актов [9]. Следует выделить определенные положительные результаты реформ: внедрение и существенное улучшение стандартов обслуживания; создание инфраструктура электронного взаимодействия и получения услуг в электронном виде; снижение административного давления в сфере контроля и надзора; запуск оценки регулирующего воздействия; внедрение государственных программ, государственного задания, «дорожных карт» и пр. Наблюдается улучшение в сфере открытости и участия гражданского общества в подготовке, обсуждении и контроле реализации решений исполнительной власти.

В целом, опираясь на временные рамки концептуальных документов и последовательность их принятия в рамках реализации административной и бюджетной реформ, а также с учетом всех уровней управления, на наш взгляд, можно выделить четыре этапа, краткая характеристика которых в разрезе основных документов и полученных результатов приведена в табл. 1.

Таким образом, с учетом развития процессов административного и бюджетного реформирования не только на федеральном, но и региональном (муниципальном) уровне 2014 г. можно считать началом очередного этапа реформ. Причем это совпадает по времени с новым этапом развития стратегического планирования в России и ее субъектах, что является весьма существенным моментом, поскольку экспертами выделяется одно из самых существенных противоречий концепции NewPublicManagement — это децентрализация принятия управленческих решений. Это, по мнению Е. Поспеловой и М. Казаковой, на практике приводит к «размытости» долгосрочных приоритетов развития страны, отсутствию координации процесса взаимодействия между ведомствами и затруднению оценки эффективности работы» [5].

Опыт ряда стран показал, что определенным образом это противоречие снимается через систему стратегического управления. По этой причине многие страны в 1990-е гг. начали своего рода реформы стратегического управления социально-экономическим развитием.

С экспертной точки зрения применение стратегического планирования позволяет: во-

первых, повысить согласованность целей с ресурсами; во-вторых, обосновать финансовое обеспечение проектов и программ; в-третьих, систематизировать постановку задач перед государственными служащими и упростить процедуру оценки эффективности их работы и вклада в достижение стратегических целей. Все это позволяет сделать бюджетную политику и экономическое развитие страны более предсказуемыми для бизнеса и общества [5]. Таким образом, помимо административной и бюджетной реформ на расширение сферы программно-целевого подхода воздействие оказывают изменения, произошедшие в самом характере планирования и связанные с необходимостью учета средовых факторов.

Россия также активно внедряет и развивает стратегические механизмы и инструменты. Как верно подмечено в статье А. И. Татаркина и С. В. Дорошенко, долгосрочное планирование, развитое в советский период и ориентированное только на внутренние ресурсы системы, в 1990-х гг. стало склоняться к стратегическому, учитывающему среди прочих факторы внешней среды [6]. Формат статьи не позволяет рассмотреть эволюцию стратегического планирования, отметим лишь, что с 2014 г. после принятия нового Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» начался новый этап развития этого института.

В целом административная и бюджетная реформы, а также трансформация стратегического планирования явились важнейшими институциональными предпосылками адаптации государственных программ не только на федеральном, но и региональном уровне.

Факторы адаптации государственных программ

Однако, по нашему мнению, на процессы адаптации этого нового инструмента помимо институциональных предпосылок оказывают влияние социально-экономические факторы, и в первую очередь макроэкономические, а также специфические региональные факторы, отражающие особенности развития субъектов Федерации.

С нашей точки зрения, при адаптации государственных программ к изменяющимся макроэкономическим условиям, их турбулент-

Таблица 1

Внедрение программно-целевого подхода в контексте процессов административного и бюджетного реформирования

Временные рамки этапа реформ	Основные концептуальные и нормативные документы	Основные результаты этапов реформирования с позиции внедрения программно-целевого подхода
2003—2005	<ul style="list-style-type: none"> — Указ Президента Российской Федерации «О мерах по проведению административной реформы в 2003—2004 годах; — Федеральная программа «Реформирование государственной службы Российской Федерации в 2003—2005 гг.»; — Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004—2006 гг. 	Внедрение отдельных элементов управления по результатам в деятельность государственных органов. Внедрение новых принципов бюджетирования, включая управление по результатам. <i>Начало перехода к преимущественно программно-целевым методам планирования</i>
2006—2010	<ul style="list-style-type: none"> — Концепция «Административная реформа в Российской Федерации в 2006—2008 гг.»; — Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2006—2008 гг.; — Указ Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»; — Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»; — Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 г.; — Программа по повышению эффективности бюджетных расходов 	В государственном управлении начало внедрения: мониторинга результатов деятельности; элементов бюджетирования, ориентированного на результат; новых подходов к предоставлению государственных услуг на федеральном и региональном уровнях; инструментов стратегического планирования (включая государственные программы). Переход на трехлетнее бюджетное планирование. <i>Программный подход заявлен в качестве ключевого</i>
2011—2013	<ul style="list-style-type: none"> — Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011—2013 годы; — Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009—2013 годы)»; — Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года; — Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»; — Распоряжение Правительства РФ от 15 ноября 2012 № 2096-р (ред. от 15.03.2013) «О показателях оценки эффективности деятельности должностных лиц по созданию благополучных условий ведения предпринимательской деятельности (до 2018 года)» 	Начало внедрения оценки регулирующего воздействия. Активное внедрение государственных программ на федеральном уровне. Внедрена новая система оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. <i>В основном завершено внедрение принципов и инструментов управления по результатам в деятельность органов государственной власти (прежде всего на федеральном уровне)</i>
2014 — по настоящее время	Активное внедрение новых инструментов программно-целевого подхода на региональном и муниципальном уровнях (включая ОРВ, государственные программы и т. д.).	

Таблица 2

Предпосылки и факторы адаптации государственных программ

Предпосылки адаптации	Факторы адаптации	Содержание и направления адаптации
Изменяющиеся макроэкономические условия	<ul style="list-style-type: none"> • Финансовые риски, обусловленные нестабильностью валютного курса рубля. • Экономические санкции в отношении российских предприятий. • Характер миграционных процессов. • Сокращение объемов инвестиций 	<ul style="list-style-type: none"> – учет основных параметров прогноза социально-экономического развития Российской Федерации, положенных в основу составления проекта федерального бюджета; – подготовка реалистичных оценок, используемых для расчетов и анализа долгосрочных перспектив и прогнозов основных характеристик бюджета субъекта Федерации вследствие изменения основных тенденций развития экономики; – учет рисков от дестабилизации состояния экономики и бюджетной устойчивости в среднесрочной перспективе; изменения прогнозируемой динамики цен на ресурсы; инфляции, а также принятия форсированных мер по ее подавлению; санкций в отношении отдельных отраслей экономики.
Особенности конкретного региона	<ul style="list-style-type: none"> • Геополитическое расположение региона. • Институциональное развитие. • Отраслевая структура экономики региона. • Социальные факторы. • Национально-культурные особенности региона. • Природно-климатические условия. • Бюджетная обеспеченность региона 	<ul style="list-style-type: none"> – учет социально-экономического состояния конкретного субъекта Федерации, а также существующих угроз и вызовов; – наращивание и использование потенциалов развития: промышленности; науки и инноваций; транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры; рационального использования природных ресурсов; АПК; охраны окружающей среды; – реализация бюджетной и налоговой политики; уровень развития финансового сектора; – сохранение и развитие человеческого потенциала, включая повышение качества жизни населения; реализацию демографической политики; реформы здравоохранения, образования и культуры; – формирование имиджа региона в федеральном округе и национальной экономике в целом.
Реализация административной и бюджетной реформы	<ul style="list-style-type: none"> • Повышение эффективности государственного регулирования в целях обеспечения благоприятного инвестиционного климата и макроэкономических показателей. • Совершенствование сферы оказания государственных услуг. • Повышение эффективности органов власти. • Обеспечение информационной открытости. • Переход на программное бюджетирование 	<ul style="list-style-type: none"> – учет долгосрочных целей развития и показателей их достижения, положений стратегических документов, приоритетных национальных проектов и отдельных решений Президента и Правительства РФ; – наиболее полный охват сфер социально-экономического развития и бюджетных ассигнований федерального бюджета; – установление для государственных программ измеримых результатов их реализации; интеграция государственных регулятивных и финансовых мер для достижения целей государственных программ; – определение ответственности, компетенций, функций и полномочий в системе управления государственной программой; – проведение регулярной оценки результативности и эффективности реализации; – публичность и прозрачность управления; – обеспечение методического и информационного единства программы.
Смена парадигмы стратегического планирования	<ul style="list-style-type: none"> • Внедрение системы стратегического планирования, включая: принципы; задачи; состав и полномочия участников; проведение общественного обсуждения проектов документов; информационное обеспечение. 	Привязка государственных программ к приоритетам, целям, задачам и механизмам социально-экономического развития субъекта Федерации, отраженным в прогнозе и стратегии социально-экономического развития; отраслевых стратегиях, схеме территориального развития, а также решениях органов исполнительной и законодательной власти.

ности и рискам наибольшее воздействие оказывают такие факторы, как: падение и нестабильность курса национальной валюты; экономические санкции в отношении российских компаний; переход на политику импортозамещения как основной тренд развития России в ближайшие годы; миграционные процессы, которые оказывают влияние и на экономику, и на социальную сферу; отток иностранного и национального капитала.

Факторы адаптации, связанные со специфическими условиями развития конкретного региона, нами подразделены на следующие группы: геополитические, институциональные, экономические, социальные, национально-культурные, природно-климатические. Все эти факторы достаточно подробно изучены различными учеными и раскрывать их содержание в нашем исследовании нет необходимости.

Кроме того, изучение институциональных предпосылок адаптации государственных программ, а именно административной и бюджетной реформы, а также трансформации стратегического планирования дает нам основание для вывода о том, что в рамках этих направлений также можно выделить факторы адаптации. Важно также отметить, что нами прежде всего рассматриваются факторы структурного характера, оказывающие влияние на долгосрочную динамику развития, а не только на краткосрочные изменения. Так, факто-

ры адаптации к требованиям административной и бюджетной реформ во многом определяются соответствующими концептуальными и нормативными документами. Факторы адаптации к заново формирующейся системе стратегического планирования определены соответствующим федеральным законом. На этой основе мы предлагаем типологию факторов адаптации государственных программ субъекта Федерации, исходя из изменений макроэкономических, институциональных и региональных условий (табл. 2).

Заключение

Таким образом, адаптация государственных программ субъектов Федерации должна осуществляться с учетом, во-первых, изменений макроэкономических условий; во-вторых, требований административной и бюджетной реформ; в-третьих, заново формирующейся системы стратегического планирования; в-четвертых, специфических условий развития конкретного региона. В рамках каждой группы предпосылок на адаптацию государственных программ оказывают воздействие конкретные факторы, учет которых позволяет повысить эффективность внедрения нового инструмента государственного управления в условиях как России в целом, так и ее отдельных регионов.

Список литературы

1. Добролюбова Е. И. Внедрение принципов и процедур управления по результатам в Российской Федерации: промежуточные итоги и направления развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 3. С. 133—165.
2. Дорошенко С. В., Ноженко Д. Ю., Соломатин Я. И. Внедрение новых механизмов оптимизации государственного регулирования в российских регионах // Вестник ЧелГУ. Серия: Экономика. 2013. № 40. С. 53—57.
3. Ноженко Д. Ю. Программные методы управления региональным развитием // Материалы III Всероссийского симпозиума по региональной экономике. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. Т. 3. С. 112—117.
4. Ноженко Д. Ю. Государственная программа как инструмент финансовой модернизации регионального менеджмента // Новая индустриализация и умная экономика: вызовы и возможности: материалы Пермского конгресса ученых-экономистов: в 2 т. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. Т. 1. С. 180—184.
5. Поспелова Е., Казакова М. Применение концепции NewPublicManagement в России. URL: <http://institutions.com/strategies/2627-primeneniye-koncepcii-new-public-management-v-rossii.html>
6. Татаркин А. И., Дорошенко С. В. Институт стратегического планирования в условиях формирования саморазвивающихся регионов // Экономика и общество. 2009. № 11—12. С. 100—120.
7. Худякова Т. С., Шеломенцев А. Г. Сравнительный анализ направлений государственных программ регионов Уральского федерального округа // Экономический журнал. 2015. Т. 40. № 4. С. 43—49.
8. Черемушкин С. Государственное управление. URL: <http://pubadm.narod.ru/Theory/concepts.htm>

9. Шеломенцев А. Г., Дорошенко С. В., Шамков Ю. В. Оценка регулирующего воздействия как механизм защиты экономических интересов России в условиях ВТО // Бизнес, менеджмент и право. 2013. № 1 (27). С. 29—32.

References

1. Dobrolyubova E. I. *Vnedrenie principov i procedur upravleniya po rezul'tatam v Rossijskoj Federacii: promezhutochnye itogi i napravleniya razvitiya* [The Implementation of the principles and procedures of performance management in the Russian Federation: interim results and directions of development] *Problems of state and municipal management*. 2008, 3, p. 133—165.

2. Doroshenko S. V., Nozhenko, D. Yu., Solomatin Y. I. *Vnedrenie novykh mekhanizmov optimizacii gosudarstvennogo regulirovaniya v rossijskikh regionah* [The Introduction of new mechanisms to optimize the state regulation in Russian regions] *Vestnik of Chelyabinsk state University. Series: Economics*. 2013, 40, p. 53—57.

3. Nozhenko D. Yu. *Programmnye metody upravleniya regional'nym razvitiem* [Software methods of management of regional development] Proceedings of the III all-Russian Symposium on regional economy. Vol. 3. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS, 2015, p. 112—117.

4. Nozhenko D. Yu. *Gosudarstvennaya programma kak instrument finansovoj modernizacii regional'nogo menedzhmenta* [State program as a tool of modernization of the regional financial management] *New industrialization and smart economy: challenges and opportunities: proceedings of the Perm Congress of economists: in 2 v. Perm. state University, Perm*. 2015. Vol. 1, p. 180—184.

5. Pospelova E., Kazakov M. *Primenenie koncepcii New Public Management v Rossii* [Application of the New Public Management concept in Russia]. URL: <http://institutiones.com/strategies/2627-primenenie-koncepcii-new-public-management-v-rossii.html>

6. Tatarkin A. I., Doroshenko S. V. *Institut strategicheskogo planirovaniya v usloviyah formirovaniya samorazvivayushchih regionov* [The Institute of strategic planning in the conditions of self-developing regions formation] *Economy and society*. 2009, 11—12, p. 100—120.

7. Khudyakova T. S., Shelomentsev A. G. *Sravnitel'nyj analiz napravlenij gosudarstvennykh programm regionov Ural'skogo federal'nogo okruga* [Comparative analysis of the state programs directions of the Urals Federal district regions] *Economic journal*. 2015, V. 40, 4, p. 43—49.

8. Cheremushkin S. *Gosudarstvennoe upravlenie* [Public administration]. URL: <http://pubadm.narod.ru/Theory/concepts.htm>

9. Shelomentsev A. G., Doroshenko S. V., Shamkov J. V. *Ocenka reguliruyushchego vozdejstviya kak mekhanizm zashchity ehkonomicheskikh interesov Rossii v usloviyah VTO* [Regulatory impact assessment as the mechanism of the Russian economic interests protection in WTO conditions] *Business, management and law*. 2013, 1 (27), p. 29—32.

Для цитирования: Ноженко Д. Ю. Предпосылки и факторы адаптации государственных программ субъекта федерации // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2016. № 2. С. 149—155.

For citation: Nozenko D. Yu. *The adaptation prerequisites and factors of the federations subject's state programs // Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University*. 2016. № 2. P. 149—155.

Социальный капитал в управлении развитием города Social capital in the management of cities development

УДК 316.422.42

Д. Г. Горин, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Москва, Россия)

D. G. Gorin, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)

В статье рассматриваются особенности социального капитала и его воспроизводства в российских городах. В целях выявления возможностей накопления социального капитала анализируются факторы, способствующие его росту и растрате. Особое внимание уделяется возможностям конвертации культурного капитала в социальный капитал и накоплению социального капитала в интерактивных сетевых медиасредах. Автор приходит к выводу об условиях использования социального капитала в управлении развитием города.

Ключевые слова: социальный капитал, культурный капитал, краудсорсинг, социальные сети, развитие.

The article reviews some special aspects of social capital and its reproduction in Russian cities. For purpose to identify the social capital accumulation analyzed the factors contributing to its growth and embezzlement. An increased focus is put on the potential conversion of cultural capital into social capital and the social capital accumulation in the interactive network. The author comes to the conclusion about the conditions of the use of social capital in the of city development management.

Keywords: social capital, cultural capital, crowd-sourcing, network, development.

Введение

Современные подходы к управлению развитием города включают в себя переосмысление проблемы оптимизации существующих ресурсов, позволяющих качественно менять городскую среду и влиять на формирование идентичности местных сообществ, повышение их роли в местном самоуправлении [5]. Эффективное использование ресурсов, необходимых для развития города, требует более глубокого понимания возможностей работы с раз-

ными формами капитала, способными, как показал П. Бурдьё, конвертироваться друг в друга [11]. В муниципальном управлении такие формы капитала, как социальный, политический, культурный, человеческий и другие, способны создавать кумулятивный эффект за счет вовлечения в развитие города более разнообразных ресурсов. Достижение такого эффекта имеет возрастающее значение в связи с необходимостью обеспечения экономического и социального развития российских городов в условиях сокращения бюджетных возможностей.

Социальный капитал в этом процессе играет существенную роль [1], поскольку позволяет повышать роль местных сообществ в создании общественных благ за счет более качественной институциональной среды, расширения радиуса доверия и укрепления социальных связей. Способность социального капитала оказывать влияние на качество институциональной среды хорошо исследована и выражается в укреплении норм, поддерживающих сотрудничество и самоорганизацию [7]. В обществах с несформировавшимся или растраченным социальным капиталом будут наблюдаться не только размывание общепризнанных норм, недоверие, апатия и разобщенность, но и, как следствие, высокий уровень коррупции, неэффективное управление и кризис стратегий развития.

Цель настоящей статьи состоит в анализе возможностей накопления социального капитала в российских городах. Поскольку низкий уровень доверия, разорванность социальных связей и противоречивость формальных и неформальных норм создает существенные трудности в аккумулировании социального капитала, имеет смысл обратиться к более детальному анализу двух факторов, способных оказать влияние на состояние социального капитала. Первый фактор связан с культурным потенциалом российских городов и возможностью конвертации культурного капитала в со-

циальный капитал. Второй фактор состоит в использовании возможностей интерактивных медиа, позволяющих при определенных условиях укреплять нормы взаимности, социальные связи и доверие.

Сущность социального капитала и возможности его развития

Среди наиболее известных примеров исследования социального капитала следует назвать работы Р. Патнэма [17], который описывал состояние социального капитала, основываясь на таких индикаторах, как нормы взаимности, вовлеченность в жизнь сообщества, гражданская активность, благотворительная деятельность, неформальные сообщества (интенсивность контактов с соседями, друзьями), радиус доверия. К числу наиболее значимых индикаторов измерения социального капитала, как правило, относят радиус доверия, который служит обобщенным показателем сотрудничества; формальные и неформальные нормы, их прозрачность, непротиворечивость и устойчивость; качество социальных связей.

Уже классическое понимание капитала — как «той части запасов, от которой кто-либо рассчитывает иметь доход» (А. Смит) — содержало в себе возможность выделения и более детального описания различных форм капитала. Эта возможность была реализована в XX веке, когда неравномерные траектории развития различных стран пробудили интерес к сравнительным исследованиям условий экономического роста. Оказалось, что универсальные экономические законы имеют различное проявление в зависимости от радиуса доверия, принятых в обществе неформальных правил и других факторов, определяющих качество социальных связей. В частности, как показали Д. Норт и другие неинституционалисты, именно доверие в выполнении взаимных обязательств создавало институциональные основания экономического развития и успешной модернизации в разных странах [8].

Социальный капитал легче формируется в малых самоорганизующихся сообществах, поскольку они являются относительно ограниченными, стабильными и сравнительно однородными. Спонтанное создание доверия, например, более вероятно между соседями и друзьями, чем в больших социальных группах.

Поэтому региональное управление должно опираться на развитие городов, а муниципальное управление — на самоорганизацию местных сообществ. Условия, позволяющие запустить технологии самоорганизации на местном уровне, есть везде: опыт показывает, что из тысячи человек всегда можно найти несколько десятков, способных к конструктивной самоорганизации.

Задача развития социального капитала связана с преодолением экономического детерминизма и стремлений поддерживать прежде всего те проекты, которые имеют явные перспективы коммерциализации. Расходы на развитие социального капитала не должны рассматриваться как неперспективные. Социальный капитал является продуктом инвестиционных стратегий (индивидуальных или коллективных), нацеленных на установление или воспроизводство социальных отношений. Развитие социального капитала в этом смысле предполагает непрерывающуюся работу по установлению социальных сетей, в которых взаимное признание постоянно утверждается и подтверждается. Необходимо формировать представление о значимости неоплачиваемых усилий, направленных на умножение социального капитала — затрат в форме внимания, заботы, участия, которые в нынешней системе координат часто воспринимаются как бесполезные.

Предпринимательство, которое способно оказать существенное влияние на местное развитие, в современных социологических теориях также связывается не только и не столько с экономическими, сколько с социальными факторами, определяющими интегрированность в местную социальную среду. Успешные бизнес-стратегии часто отличаются способностью создавать и развивать сетевые эффекты местных сообществ. Один из таких примеров приводится в известной книге Дж. Коллинза [6]. В условиях высокой конкуренции сеть аптек Wallgreens сменила стратегию и стала ориентироваться не на прибыль от каждого магазина, а на прибыль от каждого потребителя. В результате аптекам Wallgreens удалось создать устойчивую сеть потребителей и обойти конкурентов. С некоторыми оговорками этот кейс может рассматриваться как пример создания социального капитала и последующей его конвертации в экономический.

Подобный опыт в российских городах может использоваться для развития социального предпринимательства — относительно новой формы предпринимательства, занимающей промежуточное пространство между бизнесом и некоммерческим сектором. Роль социального предпринимательства в повышении эффективности муниципального управления определяется особенностями целеполагания (высоким осознанием социального предназначения), инновационностью и способностью создавать новые комбинации имеющихся ресурсов, относительной устойчивостью (независимость от доноров и грантов) и этической безупречностью. Развитие социального предпринимательства позволяет бизнесу, некоммерческим организациям и местным сообществам брать на себя ответственность в обеспечении социальной защиты, предоставлении услуг в области образования, здравоохранения и других сферах.

Ряд исследователей указывают на принципиальное отличие социального капитала от других форм капитала. В частности, Э. Остром отмечает, что физический капитал имеет свойство растрачиваться при его использовании, а социальный капитал накапливается при использовании и растрачивается, если его не использовать [15]. Поэтому игнорирование значения социального капитала в муниципальном управлении вызывает серьезную озабоченность.

Развитию социального капитала и консолидации его в целях муниципального управления мешает неустойчивость практики согласования интересов разных субъектов местного развития (местных сообществ, некоммерческих организаций, бизнеса, муниципальных и государственных органов), низкий уровень стратегического планирования, ориентация на процесс, а не на результат, разрывы в системе управления, закрытость от населения и т. п. Низкие индексы доверия граждан основным институтам, гражданская апатия и высокий уровень политической и экономической несвободы, размытость ценностей развития — все это свидетельствует о слабости социального капитала. Одна из причин блокирования социального капитала состоит в дестабилизации правил игры и противоречиях между формальными и неформальными нормами. Негативное влияние на состояние социального капитала оказывает также тенденция коммерциализа-

ции социальных связей в ущерб взаимному сотрудничеству и солидарности. В этих условиях возрастает актуальность проблемы поиска имеющихся в российских городах ресурсов, способствующих накоплению социального капитала.

Конвертация культурного капитала в социальный капитал

Многие российские города располагают значительными культурными ресурсами, поэтому практика более эффективного вовлечения культурного капитала в местное развитие и его конвертация в социальный капитал имеет существенное значение для муниципального управления.

Понятие «культурного капитала» позволяет рассматривать культурные ресурсы как активы, создающие условия для воспроизводства других форм капитала. Ф. Беркес и К. Фольке рассматривают культурный капитал как форму капитала, дополнительную к физическому и природному капиталу. Имеется в виду, что именно культурный капитал позволяет переводить природный капитал в физический [12]. Д. Тросби, определяющий культурный капитал в более широком смысле, описывает соотношение культурной ценности, которая может дополнять экономическую ценность и таким образом вовлекаться в экономическое развитие. Анализируя культурный капитал, он разделяет его запасы и потоки. Первые представляют собой количественное выражение культурных активов и их совокупную оценку, а вторые — порожденные культурным капиталом потоки услуг, которые могут потребляться или вовлекаться в последующее производство новых благ и услуг [9].

Запасы и потоки культурного капитала при определенных условиях обладают способностью аккумулировать и укреплять социальные связи. Если использование культурных активов затрагивает отношение индивидов и социальных групп, то речь идет о возможности конвертации культурного капитала в социальный капитал воздействием на сети взаимодействия и доверие между людьми. Например, в аккумуляции социального капитала в целях развития города существенную роль имеет культурное наследие и паблик-арт. Культурное наследие способно воспроизводить культурный

и социальный капитал, если оно порождает потоки социальных взаимодействий и вовлекает людей в эти потоки, расширяя радиус доверия и укрепляя ценности взаимности и вовлеченности. Развитие паблик-арта в современной урбанистике также рассматривается в контексте способности арт-объекта создавать и аккумулировать социальные связи и воздействовать таким образом на социальную среду города и самоорганизацию местных сообществ.

Во многих российских городах усилия в создании культурного капитала реализуются методами территориального маркетинга и брендинга города. Этот опыт интересен и требует отдельного анализа, однако очевидно, что успешных проектов в этой сфере пока немного. Среди наиболее известных примеров можно назвать брендинг городов Мышкин, Великий Устюг, Урюпинск, где за счет удачного бренда удалось не только аккумулировать символический и культурный капитал, но и конвертировать его в социальный и экономический. Интересен также подход, реализуемый в Московской области, где бренд региона создается за счет брендинга городов, а не наоборот, как в большинстве российских регионов.

Существенное значение в воспроизводстве социального капитала имеют культурные проекты, предполагающие создание и интеграцию социальных связей вокруг запасов культурного капитала. Например, в настоящее время в некоторых российских городах создаются краудфандинговые платформы для сбора средств на восстановление объектов культурно-исторического наследия. Очевидно, что эффект подобных проектов состоит не только в сборе средств, а прежде всего в развитии социального капитала.

Участие граждан в подобных проектах мотивируется прежде всего непотребительскими ценностями и экстерналиями, которые связаны с реализацией проекта. Разумеется культурные проекты имеют, как правило, и прямую потребительскую ценность (например, ценность, создаваемую выгодами от потока туристов). Но в этом случае речь идет об экономических эффектах проекта, а социальный капитал не ориентируется непосредственно на потребительские выгоды. Непотребительские ценности культурных проектов могут быть связаны с убежденностью жителей города в ценности существования культурного объекта, даже ес-

ли сами они непосредственно не получают прямую экономическую выгоду от его существования. Общественное значение имеет также ценность сохранения наследия для следующих поколений.

Одним из примеров сближения культурного и социального капитала и их конвертации в развитие города является опыт жителей Роттердама, которые организовали сбор средств для строительства 350-метрового моста в целях расширения пешеходной зоны и преобразования оживленной части города (проект «Luchtsingel» реализуется в рамках Архитектурной Биеннале Роттердама 2013). Сбор средств был организован на специально созданной краудфандинговой платформе «Я делаю Роттердам» (<http://en.imakerotterdam.nl/>), которая дает возможность участникам выбрать и оплатить приобретение строительных деталей (25 евро за одну доску, 125 евро — за секцию и 1250 евро — за блок), каждая из которых будет именной. Интерес городского сообщества к проекту поддерживается за счет реализации многочисленных культурных микропроектов, которые анонсируются на этой платформе. Речь идет о праздниках и фестивалях, работе уличных художников, которые организуются в районе предполагаемого строительства моста. Будущий мост стал объектом, вокруг которого интегрируются культурные запасы и потоки, укрепляющие ценность взаимных усилий жителей города по финансированию строительства моста. Разнообразные проекты таким образом дополняют и поддерживают друг друга, укрепляя социальный капитал местных сообществ. Подобный опыт вполне может использоваться и в российских городах.

Таким образом, вовлечение культурных активностей в укрепление социального капитала позволяет городам создавать новые возможности развития на местном уровне. Широкое вовлечение местных сообществ в культурные проекты позволяет добиваться более эффективной социальной интеграции, включенности в городское развитие более многообразных групп.

Однако в российской практике достижение указанных результатов осложняется атомизацией общества, социальной апатией и низким уровнем доверия. Поэтому возникает проблема компенсации факторов, мешающих развитию социального капитала. Один из путей решения этой проблемы состоит в использовании совре-

менных интерактивных медиатехнологий, которые создают новые возможности для социальной вовлеченности. Тем более что активное использование в современном муниципальном управлении интерактивных технологий, технологий краудсорсинга и краудфандинга является убедительным аргументом в пользу тезиса о возможности конвертации культурного и социального капитала в экономическое развитие.

Интерактивные медиа в развитии социального капитала

Развитию социального капитала может способствовать обращение к анализу роли интерактивных медиа, которые демонстрируют возможности создания условий для спонтанного развития сетей доверительных отношений. Интерактивные медиа позволяют структурировать сетевые отношения вокруг идеи причастности и трансформировать слабые личные связи в сильные коммуникативные связи, организуемые вокруг сетевого индивидуализма [3].

Одним из препятствий в развитии социального капитала часто считается гражданская апатия. Однако нежелание граждан проявлять сотрудничество и гражданскую активность можно объяснить вполне рациональным выбором: интерес к сотрудничеству и коллективным действиям снижается, если граждане не видят в них смысла и не могут их соотносить с решением своих проблем. И наоборот, российский опыт использования интерактивных медиа в целях вовлечения граждан в коллективные проекты свидетельствует, что всегда существует пусть и небольшой, но достаточный слой граждан, готовых проявлять активность, если они видят в этом смысл.

Развитие интерактивных медиа интегрируют сложные конфигурации индивидуальных действий различных акторов. Если классические (неинтерактивные) медиа такую индивидуализацию не воспроизводили, то интерактивные медиа позволяют генерировать коллективные эффекты сложного и многообразного индивидуального поведения участников (пользователей). Анализ роли интерактивных медиа в поддержании и изменении институциональной среды современных обществ может опираться на принципы неинституционализма, которые исходят из «методологического индивидуализма». В качестве реальных

акторов социальных интеракций «методологический индивидуализм» признает не коллективных субъектов, а индивидов. Получается, что поведение общностей, групп, компаний должно быть объяснено в контексте коллективных эффектов индивидуального поведения их участников, что более соответствует особенностям современных обществ — более атомизированных с одной стороны и пронизанных самыми разнообразными сетевыми связями с другой.

Интерактивные медиа в этом контексте предстают как инструмент удовлетворения потребности не только и не столько в информированности, но прежде всего в регуляции, представительстве и согласовании разнородных интересов. Поведение пользователей интерактивных медиа определяется формальными и неформальными правилами, характеризуется регулярностью и повторяемостью. Поэтому анализ интерактивной медиасферы в логике неинституциональной теории общественного выбора, восходящей к работам Дж. Бьюкенена, Г. Таллока [2] и М. Олсона [14], требует рассмотрения ее прежде всего с точки зрения функционирования правил игры, системы положительных и отрицательных стимулов, направляющих медиаактивность пользователей в определенное русло. Внимание сторонников теории общественного выбора акцентируется на способах совершенствования публичного механизма принятия решений. По мнению Дж. Бьюкенена, методы анализа рыночного поведения применимы для исследования любой публичной сферы, поскольку индивиды в своей активности в разных сферах жизни руководствуются, как правило, аналогичными мотивами.

С некоторыми уточнениями этот подход может быть распространен и на анализ роли интерактивных медиа в развитии социального капитала. Граждане, проявляя свою активность, меняют не деньги на продукт (как в рыночных отношениях), а затраченное время и интеллектуальные ресурсы на репутационные выгоды, продукты «коллективного разума» и общественные блага. И в этом смысле интерактивное участие граждан в коллективных действиях будет основано на согласии между участниками, которое присуще рыночному обмену.

В российских условиях более активное вовлечение граждан в местное самоуправление имеет особую значимость, поскольку способно

компенсировать несовершенство правил игры. Низкое качество (неоднозначность, противоречивость или размытость) таких правил затрудняет создание устойчивых связей, расширение радиуса доверия и, как следствие, ведет к растрае социального капитала, блокируя любые коллективные усилия. Разумеется, ключевую роль в создании и защите формальных правил играет государство. Однако общественная защита правил игры — не только эффективная, но и распространенная практика (тем более что решающее воздействие на выбор поведения оказывают часто неформальные и неявные правила). В частности, выгоды от координации усилий граждан по защите правил, в том числе путем экономии на масштабе при обработке информации, рассматривал А. Полински, который пришел к выводу, что такие выгоды не достижимы в условиях обычной рыночной конкуренции [16]. Это утверждение может быть отнесено и к интерактивной медиасреде: несмотря на то, что виртуальные сообщества часто проектировали себя как альтернативные существующему порядку или по крайней мере как свободные от обычных ограничений [13], одновременно создавались инструменты, позволяющие пресекать неприемлемые действия в интерактивной медиасреде. Интерактивные медиа способствуют институционализации взаимодействия участников на двух уровнях общественного выбора. Первый уровень представляет собой разработку правил и процедур медиаинтеракций (любые формы взаимодействия основываются на разделяемых участниками правилах игры, несоблюдение которых пресекается). Второй уровень представляет собой выбор стратегии поведения конкретными участниками (пользователями) в рамках установленных правил. Общественная защита правил игры способствует доверию участников коллективных действий друг к другу и стимулирует сотрудничество между ними.

Примеров проявления социального капитала в интерактивном медиапространстве достаточно много. Это сетевая журналистика, многочисленные вики-проекты, новая клубная экономика и экономика бесплатного сервиса, сервисы вопросов и ответов, системы оценок и отзывов, рынки предсказаний и рекомендательные системы. Дж. Шуровьески выдвинул теорию «мудрости толпы», согласно которой группа при определенных условиях может при-

нимать решение лучше, чем любой отдельно взятый ее участник [10]. Технологии работы с контентом развиваются за счет коллективного разума и закрепления паутины коллективной активности пользователей, которые не только создают контент, но и сами его рейтингуяют и фильтруют. Это позволяет на принципиально новом уровне работать с информацией и по-новому организовывать социально-экономические практики [4]. Интерактивные социальные сети, таким образом, могут способствовать самоорганизации местных сообществ за счет закрепления неформальных правил игры, поддерживающих взаимное доверие, сотрудничество и общественное участие. Использование сетевых структур в решении общественно-значимых проблем локального характера способно привести к существенным результатам в накоплении социального капитала.

Заключение

Эффективное управление современным городом вряд ли возможно без развития социального капитала и существенного повышения роли местных сообществ в муниципальных практиках. Накопление социального капитала способно оказать влияние на развитие города за счет повышения его инвестиционной привлекательности, создания более устойчивых идентичностей городских сообществ, привлечения высококвалифицированных кадров, развития неформальных каналов передачи социального и профессионального опыта, облегчения и удешевления общественного контроля и снижения издержек на функционирование бюрократической машины. В результате муниципальные органы власти и управления получают возможность опираться на самоорганизацию местных сообществ в реализации значимых для города проектов, что уменьшает издержки на управление и повышает результативность принимаемых мер. Низкое качество социального капитала в российских городах существенно тормозит развитие на местном уровне. Однако вовлечение культурных активов в развитие городских сообществ и использование интерактивных медиа в целях интеграции усилий граждан в решении значимых для города проблем будет способствовать накоплению социального капитала и повышению его роли в развитии российских городов.

Список литературы

1. Бурдье П. Формы капитала / пер. М. С. Добряковой; науч. ред. В. В. Радаев. URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital> (дата обращения 15.05.2016).
2. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной экономики // Бьюкенен Дж. Сочинения. М.: Таурус Альфа, 1997.
3. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31—50.
4. Долгин А. Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. М.: АСТ, 2010.
5. Зукин Ш. Культуры городов. М.: НЛО, 2015.
6. Коллинз Дж. От хорошего к великому. Почему одни компании совершают прорыв, а другие нет... М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010.
7. Коулман Дж. Введение социальной структуры в экономический анализ // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 3. С. 33—40.
8. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ ВШЭ, 2010.
9. Тросби Д. Экономика и культура. М.: ВШЭ, 2013. С. 70—73.
10. Шуровьески Дж. Мудрость толпы: Почему вместе мы умнее, чем по одиночке, и как коллективный разум формирует бизнес. М.: Вильямс, 2007.
11. Adler S. P., Kwon, S. K. Social Capital: Prospects for a new Concept // Academy of Management Review. 2002. № 27. P. 17—40.
12. Berkes F., Folke C. A Systems Perspective on the Interrelations between Natural, Human-Made and Cultural Capital // Ecological Economics. 1992. № 5. P. 1—8.
13. Kang N., Choi J. H. Structural Implications of the Crossposting Network of International News in Cyberspace // Communication Research. 1999. Vol. 26. № 4. (August). P.468.
14. Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge: Harvard University Press, 1971.
15. Ostrom E. Social Capital: a Fad or a Fundamental Concept? // Social Capital: A Multifaceted Perspective. Eds.: P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington: World Bank, 2000. P. 172—214.
16. Polinsky A. M. Private versus Public Enforcement of Fines // Journal of Legal Studies. 1980. № 9.
17. Putnam R. Bowling alone: the collapse and revival of American community. New York: Simon Schuster, 2000.

References

1. Burd'e P. *Formy kapitala*. [The forms of capital] Per. M. S. Dobryakovoj. Nauch. red. V. V. Radaev. URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital> (accessed 15.05.2016).
2. B'jukenen Dzh., Tallok G. *Raschet soglasija. Logicheskie osnovanija konstitucionnoj jekonomiki* [The calculation of consent. Logical Foundation of constitutional Economics] // B'jukenen Dzh. Sochinenija. M.: Taurus Al'fa, 1997.
3. Granovetter M. *Sila slabyh svjazej* [The strength of weak ties] // Jekonomicheskaja sociologija. 2009. T. 10. № 4. S. 31—50.
4. Dolgin A. *Manifest novoj jekonomiki. Vtoraja nevidimaja ruka rynka*. [The Manifesto of the new economy. The second invisible hand of the market]. M.: AST, 2010.
5. Zukin Sh. *Kul'tury gorodov*. [The cultures of cities] M.: NLO, 2015.
6. Kollinz Dzh. *Ot horoshego k velikomu. Pochemu odni kompanii sovershajut proryv, a drugie net...* [From good to great. Why some companies make the leap and others don't...] M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2010.
7. Koulman Dzh. *Vvedenie social'noj struktury v jekonomicheskij analiz* [The inclusion of social structure in economic analysis] // Jekonomicheskaja sociologija. 2009. T. 10. № 3. S. 33—40.
8. Nort D. *Ponimanie processa jekonomicheskikh izmenenij* [Understanding the process of economic change]. M.: GU-VShJe, 2010.
9. Trosbi D. *Jekonomika i kul'tura* [Economy and culture]. M.: VShJe, 2013. S. 70—73.
10. Shurov'eski Dzh. *Mudrost' tolpy: Pochemu vmeste my umnee, chem po odinochke, i kak kollektivnyj razum formiruet biznes* [The wisdom of crowds: Why we are smarter together than individually, and as collective intelligence shapes business]. M.: Vil'jams, 2007.
11. Adler S. P., Kwon, S. K. Social Capital: Prospects for a new Concept // Academy of Management Review. 2002. № 27. P. 17—40.

12. Berkes F., Folke C. A Systems Perspective on the Interrelations between Natural, Human-Made and Cultural Capital // *Ecological Economics*. 1992. № 5. P. 1—8.
13. Kang N., Choi J. H. Structural Implications of the Crossposting Network of International News in Cyberspace // *Communication Research*. 1999. Vol. 26. № 4. (August). P.468.
14. Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press, 1971.
15. Ostrom E. Social Capital: a Fad or a Fundamental Concept? // *Social Capital: A Multifaceted Perspective*. Eds.: P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington: World Bank, 2000. P. 172—214.
16. Polinsky A. M. Private versus Public Enforcement of Fines // *Journal of Legal Studies*. 1980. № 9.
17. Putnam R. *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York: Simon Schuster, 2000.

Для цитирования: Горин Д. Г. Социальный капитал в управлении развитием города // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2016. № 2. С. 156—163.

For citation: Gorin D. G. *Social capital in the management of cities development // Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University*. 2016. № 2. P. 156—163.